

Часть 5: Дядя узнает, что у племянника есть новый друг, и ложится спать.

Феогнид, ночевавший в каюте на "Артемиде", услышал в сумерках громыхание колес и звон упряжи на трех фургонах. Мужские голоса переключались на местном варварском наречье.

Гермес, которого, как он выяснил накануне, звали Лью ЛиДжоном, соскочил с лошади посередине пристани и что-то громко отвечал возчикам.

- Ночевать здесь будете, - говорил в это время Лью ЛиДжон.

- У меня жена дома, - слабо возразили из темноты.

- У меня тоже жена дома, - сердечно поддержал его Лью ЛиДжон. - Не хер товар задерживать на сутки.

Он собирался снова сесть в седло, но обнаружил, что греческий купец с "Артемиды" подошел к нему и улыбается.

Встреча, предопределенная свыше, состоялась. Ведь не зря боги послали Феогнида этому молодому обиженному жизнью яфетцу.

- Калиспэра! Добрый вечер!

- Калиспэра!

Улыбаться друг другу с винным торговцем поздно вечером на пристани, когда все нормальные люди садятся за ужин и принимают теплую ванну - по правде говоря, это не то, что было нужно Лью ЛиДжону. Он шесть часов провел в седле и навешал активных пиздюлей трем грузчикам и трем возчикам, еще побегать за ними пришлось, так что ему хотелось поскорей домой, но сесть под носом у иностранного гостя на лошадь и уехать было неудобно.

- Эхо эна спити. У меня есть дом. Мой дом в городе. Пао сто спити. Я иду в дом, - сообщил Лью ЛиДжон по-гречески.

При слове "дом" он не выдержал и рассмеялся, вспомнив, что сегодня утром купил большое поместье с пятью жилыми зданиями.

"Дурачок, - с нежностью подумал грек. - Смеется без причины. Всегда он веселый и ласковый - несмотря на нищету и унижения."

- Сэ пэрно. Я тебя провожу, - сказал он.

Лью ЛиДжон понадеялся, что не так понял, но грек увязался за ним, и Лью ЛиДжону пришлось идти пешком до гостиницы и вести лошадь за повод.

В холодном сумраке вечера от двух великолепных животных, шедших рядом, - Лью ЛиДжона и прядяющей чувствительной кожей рыжей лошади, - исходило тепло и волнующий полынный запах лошадиного пота. Сердце Феогнида ускакало в неведомую даль дикими скачками, как австралийский кенгуру.

На выходе из гостиницы Лью ЛиДжона поймала миловидная девушка, дочь хозяина. Она улыбнулась, скромно закрывая рот рукавом ханьфу, поклонилась молодому человеку и дала ему кулек с пирожками.

Несмотря на все старания, Лью ЛиДжон и Лью ШуШон числились в первой десятке холостяков Мамаши Лунь.

Лью ЛиДжон без всякого зазрения совести забрал пирожки и сердечно поблагодарил свою почитательницу, назвав ее маленьким добрым духом, - чтобы не обижать хорошего, кулинарно одаренного, человека и не выдавать, что имени ее он не помнит.

Феогнид увидел, с какой радостью бедный парень принимает милостыню от любого, кто его пожалеет, и умилился. И понадеялся, что его доброта тоже будет встречена бедным парнем с благодарностью.

- Оморфи поли. Ваш город красивый, - сказал Феогнид, останавливаясь на подъеме дороги.

Самшитовые холмы, державшие городок в мохнатых ладонях, сливались с потемневшим осенним небом. В сгущавшейся ночи жители зажигали у каждой двери цветные бумажные лампы. Вечерний бриз с моря нехотя покачивал их туда-сюда. Желтые, оранжевые и розовые огоньки среди полумрака засыпавшего ущелья звали отдохнуть и согреться.

- Нэ. Да, - согласился молодой человек, рядом с ним. - Оморфи поли. Красивый город.

- Исэ оморфи. Ты красивый, - сообщил ему грек, улыбаясь.

"Хорошо, что ты этого никому из ребят в порту не говорил," - подумал Лью ЛиДжон, сочувствуя иностранцу, который, по всей видимости, хотел сказать что-нибудь приятное, но не понимал,

что в результате иногда можно схлопотать что-нибудь очень неприятное, причем в изрядном количестве.

(Лью ЛиДжон:) - Эфхаристо . Спасибо... (вежливо, раз уж такой разговор) Ты тоже красивый.

На лице иностранного гостя появилось мечтательное выражение.

(Феогнид:) - У тебя глаза красивые.

(Лью ЛиДжон, удивленно поднимает брови, но все еще улыбается:) - ...

(Феогнид:) - Исэ фисаврос. Ты - сокровище.

(Лью ЛиДжон, про себя:) - Хуйня какая-то.

Феогнид, видя, что молодой грузчик его не понимает, повторил по слогам:

- Фи-сав-рос. Как... Парфенонас, храм девственной Афины.

"Я - храм девственной Афины, - думал Лью ЛиДжон, сбитый с толку. - И что дальше? Уважаемый, вы меня не за того приняли! Вы думали, я - Парфенон, а я вовсе не он... Нас все путают..."

(Лью ЛиДжон, пытаюсь донести мысль и при этом чувствуя себя идиотом:) - Дэн имэ Парфенонас. Я - не Парфенон.

Феогнид рассмеялся над наивностью этого прекрасного простолюдина, который не понимает поэтических отвлечений.

- Нэ, - лукаво настаивал он.

Потом грек потрогал кулек с пирожками и спросил:

- Посо кани? Сколько стоит?

Лью ЛиДжон не хотел продавать пирожки, поэтому он промолчал и переложил кулек в другую руку.

- Посо кани? Сколько это стоит? - спросил Феогнид, заглядывая в глаза молодому человеку и кладя ладонь ему на грудь.

"Ах ты, греческий мудака," - подумал Лью ЛиДжон.

В одну секунду он постиг все поэтические отвлечения нового знакомого в отношении своей персоны. Он только не нашелся, что ответить, потому что цену владельца шелкового торгового дома Лью посчитать было непросто: помимо наличности фирмы и товаров на складах, нужно было взять в расчет недвижимость, дебетовые и кредитные обязательства, объем фонда заработной платы, некоторые непрофильные вложения и оборотные активы, включая обязательства по аренде торговых помещений и морскому фрахту.

- У тебя плохая жизнь, - услышал он проникновенный голос своего нового заморского друга. - Мне тебя жалко. Хочешь поехать в Грецию? Фэлэтэ на патэ стин Эллада?

(Лью ЛиДжон, серьезно и многообещающе, на родном луйском языке, который как будто нарочно создан для таких вопросов:) - А ты хочешь пойти на хуй?

(Феогнид:) - Дэн каталавэно. Не понимаю?

(Лью ЛиДжон, кивает головой:) - Твое счастье.

(Феогнид:) - Что? Ти?

(Лью ЛиДжон, по-гречески:) - Мне дядя не разрешает гулять по ночам с незнакомыми мужчинами.

Он аккуратно снял с себя греческую руку, развернул нового друга за плечи и приготовился дать ему хорошего пинка.

Тактика была выбрана исходя из рельефа местности: улица шла под гору на протяжении двух ли, до первого холмика, и грек совершил бы беспрепятственный стремительный полет среди цветных фонариков, о котором потом долго можно вспоминать. Если память вернется, когда залечат черепную травму.

Лью ЛиДжон сделал шаг назад, начал сгибать ногу для чуайтуя*, но тут сзади...

-----

* чуайтуй (кит.) - сайд-кик, боковой удар ногой, наносится в живот или в поясницу

(Лью ШуШон:) - ДжоДжо!

На дорожке, под чьей-то оранжевой лампой, стоял Лью ШуШон с пшеничным батоном под мышкой. Батон был уже изрядно обкусан.

- Ты почему ходишь один ночью по улицам? - строго спросил Лью ЛиДжон, подбегая. - Тут на свободе греческий сексуальный маньяк, а ты так легкомысленно себя ведешь.

- Я за хлебом ходил, - сказал Лью ШуШон, снова откусывая от батона.

Младший мужчина на ходу поймал его руку и тоже откусил. Они поцеловались, почувствовали запах свежеспеченного хлеба друг у друга во рту и засмеялись...

После того, как прекрасный молодой яфетец обнял Феогнида за плечи, тот думал, он сейчас прижмется к нему сзади, робея встретиться взглядами. Душа влюбленного грека была готова отдаться во власть эйфории, но с горы послышался уже знакомый низкий голос, и молодой красавец исчез. Он ускользнул, как нимфа Сирига от сладострастного Пана.

Разочарованный Феогнид не знал, что после эйфории, которую намеревалась ему устроить робкая нимфа, полгода на костылях были бы гарантированы, так что счастья своего он не оценил. Он только понял, что хозяин Лью ЛиДжона держит его на положении раба и не оставляет в покое даже по ночам.

(Лью ЛиДжон, ставя теплый чайник на маленькую жаровню на столике:) - Ты помнишь, того общительного грека с "Артемиды"? В мехах и кольцах? Он за мной, кажется, ухаживает.

О том, что ухаживания общительного грека включают почасовую оплату, Лью ЛиДжон упоминать не стал, потому что не хотел носить передачи Лью ШуШону в места заключения. Его собственного тюремного опыта хватило на двоих.

Лью ШуШон разинул глаза и уставился на него с непониманием.

(Лью ШуШон, после паузы:) - Это он там был с тобой на улице?

(Лью ЛиДжон, присаживаясь на колени, выкладывая на тарелки пирожки и мясо:) - Да... Ой, как неудобно, я совсем забыл... Он же, бедный, наверно, все еще стоит там, пинка ждет!

(Лью ШуШон:) - (перестает жевать)

(Лью Лиджон, красуясь:) - Я сокровище. Фисаврос. А еще я - Парфенон. Ты вот никогда не говорил мне, что я Парфенон...

Он разливал чай, но обнаружил, что Лью ШуШона нет на кухне. Пирожок остался на столе недоеденным.

(Лью Лиджон, кричит:) - ШонШон!

Ответа не было.

(Лью Лиджон:) - Чай остынет!

Тишина.

(Лью Лиджон:) - ?

Он обошел темные комнаты, но Лью ШуШон исчез, как греческая нимфа,.. хрен помнит, как ее звали. "Что за черт," - подумал Лью Лиджон. В конце концов, он догадался заглянуть в собственную комнату, в которую сам давно не заходил. Там была только узкая кровать, на которой иногда раскладывали приходные ведомости.

Лью ШуШон стоял у окна в темноте и, задрвав голову, смотрел на узкий лунный серпик.

(Лью Лиджон:) - Эй!

(Лью ШуШон:) - ...

(Лью Лиджон, подходит сзади и кладет подбородок другому мужчине на плечо:) - Ты чего?

(Лью ШуШон:) - ... Ничего.

Он вылез из-под подбородка приятеля, пошел к его кровати и улегся носом к стенке.

(Лью Лиджон, озадаченный:) - Эй!

(Лью ШуШон:) - Я сплю.

Затих.

Лью ЛиДжон с луной посмотрели друг на друга. Она, наверно, совсем замерзла одна в космической пустоте. Она съежилась в тонкую изогнутую полоску и пыталась свернуться в клубок, чтобы как-нибудь согреться. Свет, который шел от нее, был слабым, белым и холодным. У Луны была невеселая жизнь.

(Лью ЛиДжон:) - ЧиЧи, ты что на меня обиделся? За то, что он увязался за мной?.. Чичи! Ну, ты что?

Он с большим трудом умял любимого поближе к стенке, чтобы освободить себе место рядом на узкой койке, повозил носом у него в затылке и потаскал зубами за волосы.

(Лью ЛиДжон:) - ЧиЧи, почему я за этого мудилу получаю? Что я тебе плохого сделал? Сяо Бао! Малыш! Сяо Шон, ты со мной разговаривать не будешь?.. Маленький мой, сладкий... У меня жопа висит, я сейчас свалюсь с кровати... Ты нарочно на этот топчан улегся?!.. ЧиЧи, посмотри на меня...

Он назвал своего мужчину тысячью ласковых имен и сто раз поцеловал его в косматый загривок.

(Лью ШуШон:) - Я сплю.

(Лью ЛиДжон:) - Повернись сюда хотя бы... я упаду и что-нибудь сломаю... кому-нибудь...

(Лью ШуШон, поворачивается к Лью ЛиДжону, не открывая глаз:) - Я сплю.

Слушая в темноте ровное дыхание любимого и глядя на неприкаянную луну за окном, Лью ЛиДжон чувствовал себя очень одиноким.

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице работы, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.